

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

СЕНТЯБРЬ, РЕШИВШИЙ СУДЬБУ

Каждый раз, когда приходит сентябрь, по обе стороны Западного Буга организуется атака на семнадцатый его день – дату, с которой в 1939 году начался поход Красной Армии в сторону Бреста и Львова, закончившийся воссоединением белорусского и украинского народов, а литовцам вернул их нынешнюю столицу Вильнюс. Если говорить о поляках, их понять можно, ведь у них забрали то, что они хотели бы считать своим. Труднее уразуметь некоторых россиян, которые, не заглядывая в святцы, точнее, в историю, тоже начинают заявлять о вступлении советских войск “на польские земли”, словно они не знают, кто на тех землях жил и живёт. И уж совсем невозможно в таких случаях понять тех, кто шлёт проклятия тому походу, относя себя к белорусам, тем более к числу самых “национально сознательных белорусов”, как сами они утверждают, правда, только они. Казалось бы, для всех белорусов должно быть бесспорным, что тот поход реализовал право нашего народа жить одним домом, что других вариантов для осуществления такого права попросту не было. Ан нет, по мнению некоторых, никакого объединения в 1939 году не было, поскольку “одни из этнических белорусов” 17 сентября приветствовали приход Красной Армии, а другие – “более умные”, как утверждается, – “круто сменили направление и двинулись к немцам с надеждой попасть в плен, что считали лучшим вариантом, чем советская свобода”. А самыми умными, оказывается, были украинские бандеровцы, которые сразу же открыли пальбу по москалям. Так с чьего голоса такое звучит?

Упорно называя освободительный поход Красной Армии, начатый 17 сентября 1939 года, “оккупацией чужого государства”, эти люди делают вид, будто понятия не имеют о том, что белорусские земли оказались в составе Речи Посполитой как раз в результате наглой оккупации. Против неё белорусы активно боролись, создавая многочисленные партизанские отряды. Энергично протестовали даже западные страны, два года не признавая Рижский договор, оттяпавший почти половину белорусских территорий, на которых, по словам министра внутренних дел Польши пана Перацкого, через пятьдесят лет даже запаха белорусского не должно было остаться. В этой связи куда большим белорусом (да и русским) выглядит один из самых авторитетных британских политиков Дэвид Ллойд-Джордж, который в конце 30-х писал, что Советский Союз вернул себе “территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после первой мировой войны. Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии”.

Вообще-то с историей в последние годы происходят явные странности. Всё очевиднее попытки сделать белым то, что десятилетиями считалось чёрным. В странах Балтии открыто маршируют бывшие эсэсовцы, притом в обнимку с политиками и государственными деятелями. В Беларуси кое-кто пытается утверждать, что полицаи и прочие гитлеровские прихвостни боролись за независимость республики в условиях оккупации, хотя та оккупация вовсе не предусматривала существования белорусского народа, поскольку по плану “Ост” четверть белорусов подлежала онемечиванию, а остальные — выселению.

В современной Германии в некоторых кругах всё явственнее звучат голоса, что это была не “чудовищная захватническая война, направленная на рабощение и уничтожение народов”, а “отражение коммунистической угрозы”. Как отметил германский историк А. Клёне, приемлемыми для западногерманского общества стали установки, которые “до недавнего времени находились под знаком табу и считались экстремистскими”. А научный сотрудник Федерального военного архива ФРГ Юбершер Герд подчёркивает, что правые круги и впредь намерены “использовать историю второй мировой войны для возврата к “образу врага” и возрождения “страха перед Востоком”, и это, по их мнению, поможет формированию “позитивного немецкого национального сознания”. Новому поколению немцев явно неуютно от ощущения того, что их предки остаются в представлении мировой общественности *исчадиями ада*, потому тезис о *превентивной войне*, принадлежащий к “*новейшим фальсификациям истории*, должен освободить немцев от вытесненного из сознания ощущения вины”. Это чувство явно пытается эксплуатировать кое-кто из современных политиков. Да и не все на Западе, а теперь уже оказывается, что и не только на Западе, признали чудовищность затаенного Гитлером преступления. Австрийский философ Э. Топич стал утверждать, будто “*политический смысл второй мировой войны сводится к агрессии Советского Союза*” против западных демократий, а роль Германии и Японии состояла в том, что они (воот это да!!!) служили *военным инструментом Кремля*.

Что касается “знака табу”, то с весьма важных аспектов второй мировой войны его постепенно снимают и в других странах. В этом смысле показательной будет цитата из интервью директора Института истории Силезского университета Рышарда Качмарека, которое в мае 2013 года — как раз в дни празднования очередной годовщины победы над гитлеровской Германией — было опубликовано в таком массовом издании в Польше, как *Gazeta wyborcza*: “Мариуш Малиновский снял фильм о судьбах силезцев, попавших в немецкую армию. Я был на демонстрации этого фильма в нескольких силезских городках. После показа “Детей вермахта” ветеранам, которые выступили перед камерой, вручали цветы, их поздравляли местные политики. А на их лицах было видно настоящее удивление. С чем их поздравляли? Со службой в вермахте?”

Не менее интересны и другие сведения, изложенные в том интервью: “Во время отправления рекрутов, которые вначале проводились на вокзалах с большой помпой, часто пели польские песни. В основном в Поморье, особенно в польской Гдыне. В Силезии же, в районах с традиционно сильными связями с польской речью: в районе Пщины, Рыбника или Тарновске-Гуры. Начинали петь рекруты, затем подключались их родные, и вскоре оказывалось, что во время нацистского мероприятия поёт весь вокзал. Поэтому немцы отказались от торжественных проводов...”. Речь идёт о том, как на службе в германский вермахт во время второй мировой войны отправлялись поляки. Конечно, далеко не все они были добровольцами, однако и “ситуации, когда кто-то бежал от мобилизации, случались крайне редко”, отмечает профессор.

Само интервью посвящено выходу в Кракове объёмистой книги профессора “Поляки в вермахте” — “*Wedawnictwo Literackie*”. В ней Качмарек основательно проанализировал “ряд обусловленностей, способствовавших коллаборационизму во время войны” — так говорится в издательском анонсе. Книга уже была номинирована на премию, которая носит имя популярного в Польше (впрочем, не только) историка Яна Длугоша, жившего в XV веке. Профессор подчёркивает также: “Из докладов представительства польского правительства в оккупированной Польше следует, что до конца 1944 года в вермахте было призвано около 450 тысяч граждан довоенной Польши. В общем, можно считать, что через немецкую армию во время войны их прошло около полумиллиона... В немецком мундире воевал каждый четвёртый муж-

чина из Силезии или Поморья”. И “почти 5 тысяч силезцев, награждённых Железным Крестом, перед войной имели польское гражданство. Несколько сотен получили Рыцарский Крест – самую высшую немецкую воинскую награду”.

Польский учёный полагает, что “у 2–3 млн человек в Польше есть родственник, который служил в вермахте”. А ещё он знает “случаи с братьями, погибшими под Монте-Кассино, которые находятся на разных кладбищах, потому что носили мундиры враждующих армий”. И добавляет: “Ко мне постоянно приходят студенты и спрашивают, как установить, что произошло с дядей, с дедом”, что “их родные об этом молчали, отделяясь фразой, что дед погиб на войне, но третьему послевоенному поколению этого уже недостаточно”.

Приведённые выдержки несколько неожиданны. Ведь мы привыкли считать, что поляки воевали на многих фронтах, однако только против гитлеровцев. Значительный вклад в формирование такого вывода и у нас, и в остальном мире сыграл польский кинематограф. Кто из нас не восхищался “Каналом” Анджея Вайды, другими картинами о варшавском восстании. А тут, оказывается, панове воевали и за идеи фюрера! И тоже на всех направлениях: “на Западном и Восточном фронтах, у Роммеля в Африке и на Балканах”. Первый “набор” состоялся уже весной 1940 года. В знаменитом парашютном десанте, результатом которого стал захват гитлеровцами острова Крит в 1941 году, участвовали и поляки: “на кладбище на Крите, где лежат погибшие участники немецкого десанта”, профессор “находил и силезские фамилии”. Та воздушно-десантная операция считается едва ли не самой успешной в истории войн, поскольку в ходе неё с острова были выбиты британские, канадские, новозеландские и греческие силы, многократно превосходившие нападавших.

Однако, как говорится, нет худа без добра. Приведённые после “снятия табу” факты серьёзно проясняют и некоторые другие вопросы. Ведь ещё недавно в Польше возмущались, когда слышали, что в числе попавших в советский плен гитлеровцев было более 60 тысяч поляков. Откуда, мол, такая цифра русскими взята, хотя подсчёт этот сделал не российский, а австрийский исследователь. Но есть и ещё более важные моменты. Во-первых, в свете выводов профессора Качмарка куда более понятными становятся суждения тех, кто считает, будто для Польши в целом было бы более выгодно выступать в той войне на стороне Гитлера. Их позицию в последнее время выражает варшавский профессор Павел Вечоркевич, который в своих интервью бредит видением: Гитлер и польский верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы на трибуне Мавзолея принимают парад немецко-польских победителей. Его фантазии просто шокируют: “Польша была бы одной из главных создателей – наряду с Германией и Италией – объединённой Европы со столицей в Берлине и с немецким языком в качестве официального”. Если бы эти слова услышал Гитлер, он бы немедленно наградил варшавского профессора Рыцарским крестом с дубовыми листьями. И Вечоркевич не одинок в своих стенаниях! Ещё ранее другой польский историк Ежи Лоек неоднократно писал, что его стране надо было выступить на стороне Гитлера, как это сделал Муссолини, в результате Польша оказалась бы даже в более выгодном положении, чем Италия. Ни Лоека, ни Вечоркевича не смущало и не смущает то, что гитлеризм как явление осуждён международным трибуналом и международным сообществом, а также то, что такими своими суждениями они, по сути, сожалее, что часть ответственности за страшные нацистские преступления во время второй мировой войны не легла и на польское сознание. Надо полагать, они исходят из реалий, находившихся в тени, но на самом деле известных в польском обществе и польских государственных структурах, на основе которых и возможен стал такой поворот. В отрыве от тех реалий суждения того же Вечоркевича могут показаться учёной заумью. И вот Рышард Качмарек приоткрыл занавес...

Во-вторых, для белорусов это ещё больше подчёркивает важность того самого освободительного похода Красной Армии к Бресту, Вильно, Львову, который начался 17 сентября 1939 года. Ведь не будь его, война для нашего народа, если бы он продолжал оставаться “в разобранном состоянии”, могла сложиться ещё трагичнее. В этой связи становится всё более настоятельной потребностью уточнить некоторые моменты, связанные с возможным развитием событий. Например, делались ли польскими политиками или военными реальными попытки всё-таки совершить поворот в сторону Гитлера в ходе вто-

рой мировой войны? Если да, то кем? А главное, что это означало бы для белорусов и Беларуси, будь они реализованы? До сих пор было известно, что до весны 1939 года руководство Третьего рейха предпринимало довольно настоятельные усилия, дабы поставить Польшу в гитлеровские оглобли. А вот о том, что уже после оккупации серьёзные намерения поддержать Гитлера имели весьма высокие польские политические и военные функционеры, было тайной за семью печатями. За то, чтобы они остались тайной, кое-кто даже заплатил жизнью...

Летом 1951 года французская полиция была шокирована зверским убийством одной польки, которую нашли без головы, без рук и ног. Убийцы расчленили труп, разбросав разные его части по территории, равной целой области. Полиция, прежде всего, изучила версию, связанную с ограблением убитой. В самом деле, с места её жительства исчезли предметы поистине бесценные, в числе которых была и сабля польского короля Стефана Батория, правившего в Речи Посполитой ещё в XVI веке, пропали также её личные бриллианты. Исчезли и огромные по тем временам деньги – полмиллиона франков, которые были получены в банке буквально за несколько дней до убийства. Было выяснено, что 350 тысяч франков из той суммы владелица одолжила живущей тоже в Ницце семье поляков Романовских. Романовских сразу же арестовали, тем более что именно Ян Романовский был последним, кто видел убитую живой во время обеда 2 июля 1951 года. Но вскоре их выпустили.

Рассматривались и версии, касающиеся связей погибшей с местными наркодельцами, а также с организаторами эротических оргий, в которых она могла участвовать. Всё было безрезультатно. Не помог следствию и приезд из Англии одного из самых именитых польских генералов – Владислава Андерса. Дело зашло в тупик и было прекращено. Единственный вывод, к которому смогла придти полиция, состоял в том, что убийцей был кто-то из 290 человек, внесённых в записную книжку владелицы. При этом никто не заинтересовался, почему останки убитой даже не попытались спрятать. Скорее, наоборот, к ним постарались привлечь максимум внимания. Тогда на что был намёк? Мёртвой, как написал Дариуш Балишевский в польском журнале “Впрост”, уже было всё равно, значит, кто-то думал о живых, стараясь подчеркнуть ужасность той смерти и важность той тайны, которую убитая унесла с собой в могилу.

Погибшей, как вскоре выяснила французская полиция, оказалась Марта – жена второго в истории Польши маршала Эдварда Рыдз-Смиглого, предвоенного главнокомандующего польской армией, которому в сороковом году предстояло стать польским президентом, поскольку истекали полномочия И. Мосьцицкого. Именно такая замена представлялась наиболее очевидной польскому политическому сообществу, о чём перед войной говорили и писали открыто.

В жизни Марты Рыдз-Смиглый всё было загадкой, подчёркивает Балишевский. Родилась она в 1895 году в Житомире в семье аптекаря. Сразу же после окончания гимназии влюбилась в местного панича Залесского, который, кстати, был наследником куда больших богатств, чем её собственный отец. Любовь подверглась испытанию войной. Молодой царский поручик Залесский, теперь уже никто точно не помнит, как его точно звали, Михаил или Станислав, ушёл на фронт. А у Марты случилась новая любовь. Доброжелатели сообщили об этом мужу, и тот сумел вырваться из окопов, чтобы появиться в Киеве. В известном ему от тех же доброжелателей номере отеля он нашёл соперника и, побуждаемый благородными чувствами, стал уговаривать того... жениться на Марте ради их взаимного счастья. В ответ услышал хохот. Тогда Залесский выхватил наган и выпустил в любовника жены все семь пуль. Утверждают, что последнюю он хотел оставить себе, но в горячности пересердствовал. Когда пришли его арестовывать, он сидел у трупы с пустым револьвером в руке. Жена о нём так и не вспомнила, но судачили, что она присутствовала на похоронах любовника и чуть ли не рвала на себе волосы от горя. Похоже, что эта картинка “супружеской верности” и склонила суд к тому, что Залесский был приговорён только к разжалованию из офицеров в рядовые и отправлен снова на фронт.

А в марте 1918 года Марта Залесская встретилась с польским полковником Рыдз-Смиглы, которому было тогда только тридцать два года, но который уже являлся правой рукой Пилсудского, возглавлял Польскую военную орга-

низацию и приехал в Киев, чтобы расширить её ряды. Марта была курьером в одной из местных структур, занимавшихся агитацией и призывом рекрутов в польские армейские формирования. При каких обстоятельствах они встретились, никто не знает, известно только, что вскоре Марта оказалась в Варшаве, где Рыдз-Смиглый – уже генерал – за заслуги перед Отечеством вытребовал для неё Крест Сражающихся. Никто не смог также выяснить, как они поженились, венчались ли, и если да, то где, тем более что первый муж Марты ко времени её нового замужества был ещё жив. Известно только то, что с 1921 года Марта и Рыдз уже считались супругами. И ещё известно, что они были весьма своеобразной семейной парой.

Балишевский пишет о солдатских байках того времени, доходивших вместе с людской молвой из Вильно, где Рыдз-Смиглый служил в качестве инспектора армии, свидетельствовавших, что у пани генеральши было очень своеобразное чувство юмора. Например, набрав в магазине покупок, она, увешанная пакетами, высматривала молодого офицера и просила помочь ей. По дороге представлялась ему незамужней, на ступеньках своего дома начала расстёгивать офицеру мундир, обещая продолжение в доме. Но на звонок выходил сам генерал Рыдз-Смиглый и заставлял офицера в расстёгнутом кителе или даже брюках. Один из них в такой ситуации пытался застрелиться, но Рыдз отнял у него пистолет, а потом лично проводил офицера до самой квартиры.

Когда Марта появлялась в обществе вместе со своим генералом, она обязательно была в перчатках, объясняя это тем, что у неё аллергия на мужа. Впрочем, вместе их видели очень редко. Пани всё лечилась у хиромантов, а генерал...

Дариуш Балишевский приводит в своей статье свидетельство друга Рыдз-Смиглого по студенческим годам Францишка Студзиньского: “Эдзё не был очень умным, зато симпатичным, весьма храбрым, полным темперамента, простым в обращении, без больших амбиций... После войны 1920 года изменился до неузнаваемости. Что на него так повлияло – не знаю. Женитьба или болезнь, или что-то ещё. Он словно угас, стал апатичным, пассивным, ничто, – по крайней мере, именно так это выглядело, – его не интересовало, кроме партийки в бридж и бесед с несколькими приятелями”.

В 1938 году Марта подалась во Францию. Как судачили в то время в высших кругах, там она намерена была шлифовать свой французский язык и манеры в связи с тем, что мужу предстояло стать президентом Польши. За счёт фондов второго отдела польского генерального штаба, ведавшего разведкой, на её имя в Монте-Карло был приобретён особняк. Сама Марта стала получать зарплату из армейской кассы. В чём состояли её услуги Отечеству и вооружённым силам, замечает Балишевский, пока не известно, поскольку не обнаружено ни одного её донесения. Но за несколько недель перед началом войны она возвратилась в Польшу, словно почувствовала, что придётся спасать имущество. Как произошла эвакуация, уже в Румынии написал в своём рапорте капитан хозяйственного отдела штаба верховного главнокомандующего Густав Стахович. В ночь на 14 сентября 1939 года, зафиксировал капитан, колонна из двух грузовиков с мебелью и другим домашним скарбом, а также легковых автомобилей, в которых ехали жена маршала, её родители и сестра, две горничных, две кухарки и лакей с жандармами охраны, двинулась через Дубно, Кременец, Тернополь к румынской границе. И уже 27 сентября после скандала в польском посольстве в Бухаресте Марта отправилась во Францию.

Сам маршал добирался до румынской границы другими путями. Он уехал из Варшавы 7 сентября, когда стало ясно, что польский фронт против немцев уже рухнул. Назавтра гитлеровцы появились у самой столицы и предприняли первую атаку на её предместье, но, потеряв несколько танков, отступили. Справедливости ради надо сказать, что Рыдз-Смиглый оставлял Варшаву не первым из высшего руководства страны. Президент И. Мосьцицкий выехал из своей резиденции ещё 1 сентября, правительство эвакуировалось 4 и 5 сентября и уже 9 сентября начало переговоры с Францией о предоставлении убежища. С тех пор все перемещались по стране и действовали порознь: президент Мосьцицкий, премьер-министр Славой-Складковский, главнокомандующий Рыдз-Смиглый, министр иностранных дел Бек. В разных местах размещались Сейм, Сенат, Верховный Суд, правительственные структуры... В Бухарест 15 сентября была направлена просьба к румынскому правительству о разре-

шении на пересечение границы польским государственным руководством и получение им убежища. Сам маршал остановился в Коломые, в тридцати километрах от границы с Румынией. Именно отсюда 16 сентября вскоре после полудня он и выехал в сторону Бухареста. В Варшаве, как засвидетельствовал политик и историк Вацлав Липиньский, понятия не имели, куда подевался главнокомандующий и все остальные тоже. Была даже попытка создать новое правительство во главе с командующим обороной столицы генералом Руммелем, но от неё всё же отказались, чтобы не усугублять политическую неразбериху.

То, что Рыдз-Смиглый на глазах у всех собрался в эвакуацию, произвело гнетущее впечатление на офицеров. Как же так, переговаривались они, войска продолжают драться, а штаб главнокомандующего намерен бежать на территорию соседнего государства. Офицерская честь требует отправиться к сражающимся частям, а не прятаться в столь трагичный момент. А дальше произошло то, чего никто не ожидал. На мосту через Черемош автомобилем маршала перегородил дорогу полковник Боцяньский — главный квартирмейстер правительства. Полковник этот был хорошо известен в армии, воевал с большевиками, был виленским и познаньским воеводой. Когда Боцяньский оказался перед машиной Рыдз-Смиглого, тот вынужден был выйти из авто и спросить, в чём дело. “Речь идёт о чести армии”, — ответил полковник, но маршал твёрдой рукой отодвинул Боцяньского с дороги. Тогда полковник вытащил пистолет и выстрелил... себе в грудь. После минутной растерянности маршал приказал положить тело полковника в машину и двигаться через Черемош. Уже в Румынии оказалось, что Боцяньский жив — пуля прошла рядом с сердцем. Как пишет историк В. Побуг-Малиновский, президент Польши И. Мосьцицкий был сильно удивлён, увидев своего маршала на румынской территории, поскольку буквально накануне главнокомандующий уверял главу государства, что останется с армией.

Сам Рыдз-Смиглый, как зафиксировали свидетели тех дней, был полон пессимизма. Он утверждал, что подвели молодые офицеры, не выдержав немецкого напора, что нарушены были связь и транспортные коммуникации. Но не было недостатка и в голосах тех, кто утверждал, что подвёл, прежде всего, верховный главнокомандующий. Ведь он, по долгу службы обязанный принимать многочисленные рапорты и донесения, оперативно реагировать на них, ещё в Бресте распорядился не развёртывать на боевое дежурство даже свою радиостанцию, чтобы её не засекли немцы и не вычислили его местонахождение. Правда, некоторые авторы утверждают, что её и не могли развернуть, поскольку коды оставили в Варшаве.

А дальше события развивались уже в жанре детектива. Из Румынии маршалу удалось перебраться в Венгрию, оттуда в Польшу, где, согласно его планам, должно было возникнуть пронемецкое руководство по типу правительства Квислинга в Норвегии, а самой Польше предстояло принять участие в *крестовом походе* против большевиков силами освобождённых из немецкого плена и вновь вооружённых солдат и офицеров. Разумеется, были бы и новые мобилизации, но помешало соответствующее подразделение главного командования Союза вооружённой борьбы — предшественника Армии Крайовой. По приказу полковника Эмиля Фельддорфа оно арестовало несостоявшегося Квислинга, объявило о его смерти и даже организовало его “могилу” на варшавском кладбище Повонзки. Разделяют эту версию и польские историки Анджей Кунерт и Марек Галензовский.

Могилы на Повонзках с самого начала была пустой. А Рыдз-Смиглый прожил ещё год и умер где-то в Отвоцком регионе от туберкулёза. Уже не имея возможности разговаривать, он “старательно записывал в дневнике события последних лет своей жизни”. Дариуш Балишевский полагает, что он, “скорее всего, записал свои будапештские беседы с немцами, встречи с регентом Венгрии Миклошем Хорти, которого убеждал в необходимости создания в Бухаресте нового польского правительства... свои разговоры с бывшим премьером Козловским, которого он направил в Берлин (для встреч с немецкими официальными лицами. — **Авт.**), свои приказы, высланные в Бузулук... словом, тайную, правдивую историю польской войны и польской борьбы с генералом Сикорским за главенство”. Через год после смерти маршала, а это был уже 1943 год, согласно воле умершего, один из его офицеров Михаил Эйгин доставил этот дневник и другие бумаги его жене Марте во Францию. Они-то,

полагает Балишевский, и стали причиной смерти маршальской супруги. Из дома, в котором она жила, исчезли не только ценности, но и все документы, касающиеся маршала, включая его письма к жене и его фотографии. И, конечно же, исчез дневник, в котором была зафиксирована “тайна ситуации” – вся “правда о людях и их роли в годы войны”. Публицист считает, что это была “правда о большой, значительно выходящей за рамки польской истории политической акции, целью которой могло быть строительство немецкой единой Европы. . .”

Упомянутый в статье Леон Козловский был премьер-министром Польши ещё при Пилсудском. Это он предложил маршалу создать специальный концлагерь для политических заключённых в Картуз-Березе. В 1939 году Козловский был интернирован во Львове и доставлен в Москву, где посидел на Лубянке. После подписания пакта “Майский-Сикорский”, которым были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Польшей и начато формирование польской армии в Советском Союзе, он был отпущен и направлен в эту армию. Но её командующий генерал Андерс не слишком жаждал видеть бывшего премьера в своём окружении. Через некоторое время Козловский вместе с ещё одним офицером покинул расположение польских частей, осенью 1941 года в районе Тулы перешёл линию фронта и предал свою судьбу в руки немцев. Полевым судом армии Андерса он был заочно приговорён к смерти.

Его встреча с маршалом Рыдз-Смиглым могла состояться только после этого. Как сообщают польские источники, сначала в Варшаве, потом в Берлине Козловский тоже вёл беседы с гитлеровцами о создании правительства по образцу квислинговского. Впоследствии он жил в Берлине, сотрудничая с органами нацистской пропаганды. Закончил свои дни в мае 1944 года во время бомбардировки столицы рейха авиацией союзников. По одним утверждениям, это произошло в результате инфаркта, случившегося во время налёта, по другим – он скончался от полученных ран. Сам факт коллаборационизма Козловского с гитлеровской верхушкой, включая попытки создания польского коллаборационистского правительства, никем не отрицается.

Были в той истории, связанной с дрейфом в сторону Гитлера, и другие смерти. И тоже насильственные. Об одной из них в статье “Тайна полковника Штайфера” в 52-м номере журнала “Впрост” рассказал Дариуш Балишевский, постоянно интересовавшийся “неприятной правдой” о войне, как он сам её называл. Той истории, подчёркивал автор, вообще никто и никогда не должен был узнать, ибо она была государственной тайной, так как тоже касалась переговоров с врагом и попыток создания польского правительства, сотрудничающего с немцами. Все, кто оказался в орбите той тайны, должны были молчать под страхом смерти. И хотя молчали, в большинстве своём всё равно не дожили до конца войны.

Никто никогда не узнал бы и о деле Штайфера, если бы не случай, который в марте 1942 года произошёл на южном железнодорожном вокзале Будапешта. Тогда под колеса поезда бросился или упал человек. У него не оказалось никаких документов, по которым можно было бы установить его личность. На нём был новый костюм, новое бельё, никогда не использовавшийся носовой платок, впервые надетые ботинки. В карманах – ни крошки табака. Но следователи всё-таки установили, что это был майор 52-го пехотного полка польской армии Владислав Залусский, связанный в лагере сторонников Пилсудского, оказавшихся в Венгрии. Во внутреннем кармане пиджака был найден листок бумаги, на котором был написан смертный приговор полковнику Мариану Яну Штайферу, вынесенный гражданским судом чести в Будапеште за попытки “создания польского правительства в согласии с немцами”.

Обстоятельств смерти майора Залусского никто так и не выяснил. Теперь, спустя 70 лет, писал Балишевский, всё указывает на то, что он стал жертвой польской гражданской войны, но отдал жизнь как раз для того, чтобы мир всё же узнал о польских попытках договориться с немцами. В Будапеште, где погиб Залусский, размещался конкурирующий с польским правительством в Лондоне политический центр, тоже располагавший тысячами солдат и офицеров. И если в Лондоне польскими делами руководил генерал Сикорский, то в Будапеште – маршал Рыдз-Смиглый. И в то время, когда сотни польских военных стремились на запад, чтобы сражаться под знаменами Сикорского, сотни таких же солдат и офицеров шли из Румынии и Вен-

грии в Польшу, чтобы потом бороться с врагом на родной земле. Официальным представителем польской армии в Венгрии и был пятидесятидвухлетний полковник Мариан Ян Штайфер, руководивший польской секцией в венгерском министерстве обороны.

Мариан Ян Штайфер был уроженцем Львова, до первой мировой войны являлся подданным императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа II, потому во время той войны в чине подпоручика воевал в австро-венгерской армии на итальянском фронте. В одном из боёв он спас жизнь венгерскому поручику Барта, который с многочисленными ранениями лежал на нейтральном поле под артиллерийским обстрелом. Получив несколько ранений, Штайфер тогда всё-таки притащил Барта в свои траншеи. А в 1939 году – после сентябрьской катастрофы – Штайфер решил уйти в Венгрию. Когда его задержали на мадьярской границе и потребовали сдать оружие, он попросил разрешения позвонить. Вскоре на границу примчалась машина, из которой вышел генерал Барта и молча отдал честь Штайферу. Барта к тому времени был министром обороны Венгрии. Штайфер вскоре стал руководителем отдела в его министерстве и фактическим опекуном 28 тысяч польских солдат, оказавшихся в Венгрии. Как пишет Балишевский, так Барта через 23 года возвращал долг своему спасителю.

А в первые дни мая 1941 года поручик польской армии Казимер Морвай – сын мадьяра и польки, исполнявший функции адъютанта в том же отделе, которым руководил Штайфер, – услышал, как капитан Корменди докладывает полковнику Бало: “Полковник Штайфер просит о приёме у министра национальной обороны Барта по делу о создании польского правительства, которое будет сотрудничать с немцами”. Капитан Корменди тогда понял, что Морвай услышал его слова, и жёстко предупредил поручика: вынесешь сор из избы – будет тебе плохо. Но Морвай, который чувствовал себя больше поляком, нежели венгром, счёл всё-таки нужным проинформировать об этом докладе представителей генерала Сикорского, тоже действовавших в Будапеште. Так дело дошло до следствия и суда, которые можно отнести к одному из наиболее тайных судебных заседаний в истории второй мировой войны.

Скрупулёзный Балишевский выяснил, что в ходе суда обвинителями Штайфера были люди из лагеря генерала Сикорского: доктор Станилав Бардзик-Любельский – заместитель представителя лондонского польского правительства в Венгрии – и адвокат Адольф Витковский – заместитель представителя министерства имуществ. Защищал же его ярый пилсудчик, майор Стефан Бенедикт. В состав суда входили Адам Опока-Лёвенштейн из Польской социалистической партии и Вацлав Слоницький из Народной партии. Возглавлял суд генерал Ян Коллонтай-Средницкий. После пяти дней заседаний, в ходе которых были заслушаны свидетели как с польской, так и с венгерской стороны, суд констатировал, что он “не нашёл доводов, что какая-то группа граждан стремилась к сотрудничеству с немцами”. Однако Балишевский, задавшись вопросом, так были всё же переговоры с немцами или нет, пришёл к выводу, что, скорее всего, они были. Явный намёк на это содержался в самом решении суда, в котором сказано, что “полковник Марианн Штайфер сослужил плохую службу Отечеству”.

А ещё Балишевский сообщает, что в 80-х годах ему самому в руки попали личные бумаги Штайфера. В письме жене, которая находилась в Польше, датированном 18 апреля 1941 года, полковник писал: “С венгерской стороны уже несколько раз и от разных личностей мне делались предложения о том, чтобы при посредничестве моего давнего коллеги со времен первой мировой войны я пошёл на подписание договора с хозяином и на сотрудничество с ним. Отмечается, что это было бы охотно принято, ибо он (хозяин. – Авт.) не имеет никакого кандидата на обладание старым, хотя и уменьшенным уже домом, а такой кандидат для него очень важен. В качестве аргумента говорится, что лучше спасти хотя бы что-то из мебели, а особенно если речь идёт о детях, которые страдают больше всего. Как ты на это смотришь? Из этого может получиться и большое дело, и большой позор”.

Балишевский поясняет, что полковник пользовался эзоповым языком. Хозяин – это немцы. Уменьшенный дом – Польша. Разве имея такие документы, можно сомневаться, что до переговоров с гитлеровцами дело всё-таки дошло, пишет автор? Но ставит и ещё один вопрос: неужели те беседы вёл полковник Штайфер от своего имени? Какой бы протекцией в Венгрии он ни

пользовался, трудно представить, что он мог быть политической стороной в каких-либо переговорах с немцами или венграми. Даже большой фантазёр не мог представить себе польского правительства во главе с никому не известным полковником, притом с немецкой фамилией.

Суд всё же признал Штайфера виновным, поскольку “он должен был отдавать себе отчёт в том, что проведение им такого рода переговоров может в глазах мира бросить значительную и фальшивую тень на монолитную и негибкую позицию польского народа”. Однако за спиной Штайфера должен был стоять кто-то многократно более важный, делает вывод Балишевский. Из доклада поручика Морвая следовало, что этот кто-то – маршал Рыдз-Смиглый.

В отчёте другого польского офицера – подпоручика Станислава Тейхмана – тоже говорится, что польские военные, оказавшиеся в Венгрии, знали об усилиях по созданию Польского легиона, который вскоре должен был двинуться в Польшу. Переговоры с немцами на эту тему по поручению Рыдз-Смиглого вёл подполковник Зыгмунт Венда – довоенный вице-председатель польского Сейма, преданный друг самого маршала. Но 15 мая 1941 года этот 47-летний, никогда не болевший мужчина вдруг умер от инфаркта. Как раз накануне – 14 мая – суд вынес смертный приговор полковнику Штайферу. Многие утверждали, что, узнав об этом, Венда покончил жизнь самоубийством. Его жена на похоронах не проронила ни слезинки. Рыдз-Смиглый вовсе не приехал – маршала неожиданно увезли из Будапешта и спрятали где-то у озера Балатон. “Затирали следы? – задаётся вопросом Балишевский. – Боялись ещё одного приговора?” Неизвестно. Известно лишь, что через несколько месяцев в Польшу отправился сам маршал Рыдз. В Будапеште его напутствовали венгерский правитель адмирал Миклош Хорти, военный министр генерал Карой Барта и полковник Мариан Штайфер.

Дальнейшая судьба Штайфера теряется в военно-политических лабиринтах. Как утверждает Дариуш Балишевский, после взятия Будапешта Красной Армией его арестовала одна из групп НКВД. Чекистов якобы интересовали познания Штайфера, который, помимо прочего, был опытным разведчиком. Вполне возможно, пишет журналист, их интересовали и деньги полковника – миллион долларов, астрономическая по тем временам сумма, находившаяся в будапештском отделении швейцарского банка. Доступ к ним давал только специальный код. Штайфер зашифровал его в своём последнем письме к жене в Польшу. Зашифровал номиналами марок, наклеенных на конверт. Но служанка, не знакомая с приёмом домашней конспирации, этого не знала. Ещё по дороге с почты она отклеила марки и раздала играющим на улице детям. Так от тех денег осталась только легенда.

Дариуш Балишевский отмечает в своих публикациях, что переговоры с немцами после падения Польши вёл в Румынии и уже упоминавшийся министр иностранных дел полковник Юзеф Бек. Подчёркивает также, что немцы относились к нему вполне уважительно. Умер Бек в 1944 году и был похоронен в Бухаресте с воинскими почестями, в которых участвовала румынская королевская гвардия. А Румыния, как известно, воевала на стороне Гитлера. Так что вряд ли гвардейские почести Беку были отданы без ведома немцев – главных в то время хозяев румынской столицы.

Польский историк Ежи Туронек пишет, что на исходе минувшего века в берлинском архиве были найдены письма ещё одного видного польского политика – Станислава Мацкевича, который после крушения Франции в 1940 году тоже посылал немцам предложение создать польское правительство на оккупированной ими территории. Об известности и влиятельности этого человека красноречиво говорит то, что после войны он некоторое время возглавлял польское правительство в эмиграции.

Но самое первое предложение о сотрудничестве с немцами и о создании польского правительства и польских воинских формирований в вермахте было сформулировано в самой оккупированной Польше. Как написал ещё в 2001 году в журнале “Политика” в статье “Война о войне” С. Жерко, оно исходило от Владислава Студницкого. В нынешней Польше его нередко пытаются представить как маргинала, но С. Жерко считает, что в его воспоминаниях “есть зерно правды”. А в тех мемуарах, которые Студницкий писал, видимо, уже после войны в Лондоне, сказано: “Ко мне приходили люди из разных слоёв общества, представляющие разные политические направления. Они счи-

тали, что следует начать переговоры с немцами, создать Национальный комитет, послать в Берлин делегацию, что надо спасти то, что ещё удастся спасти. Уговаривали меня взять дело в свои руки”.

Почему шли к Студницкому? Да потому, что Студницкий в довоенной Польше был известен не только как историк, но и как завзятый германofil. И фундаментом для соглашения “должен был стать немецко-советский конфликт”. Студницкий убеждал немцев: “У вас недостаточно людского материала для того, чтобы водвориться на территории и обеспечить безопасность коммуникационных линий. Без восстановления Польши, без воссоздания польской армии вы проиграете”. Предполагалось, что польская армия будет воевать только на востоке, что она займёт территории до Днепра, а немецкая — до Дона и Кавказ. Самому вермахту она никак бы не угрожала, поскольку в ней не предполагалось иметь танков и авиации, только пехоту и кавалерию. Все эти предложения были изложены в специальном “Мемориале по вопросам создания польской армии и приближающейся немецко-советской войны”, который был подан немцам 20 ноября 1939 года. А в январе 1940 года В. Студницкий был принят Геббельсом, что тоже опровергает суждения о маргинальности германoфила: стал бы министр пропаганды рейха тратить время на маргинала!

Нашлись ли бы в тогдашней Польше люди, готовые поддержать идеи Студницкого? С. Жерко отвечает на этот вопрос утвердительно: если появились желающие сотрудничать с Советами, то такой же призыв, брошенный в немецких офлагах для польских пленных, тоже встретил бы понимание. Были бы добровольцы и “на воле”. Не секрет, что многие в Польше руководствовались правилом: хоть с дьяволом, но против русских. Живая сила гитлеровцам, конечно же, была нужна, потому в СС они принимали добровольцев всех мастей. Летом 1941 года в Варшаве на улицах появились большие киноэкраны, на которых демонстрировались фильмы о том, как иностранные волонтеры отправлялись на Восточный фронт, и при этом звучали призывы: “Вся Европа борется с большевизмом... Рядом с немецкими солдатами есть итальянцы, испанцы, бельгийцы, норвежцы, датчане, хорваты, словаки, венгры, румыны. А вы где, поляки?” От себя С. Жерко добавляет, что в СС были также арабы, турки, шведы, португальцы, ирландцы и даже канадцы с американцами. Принимались, разумеется, и поляки, но на создание отдельных польских воинских формирований рейх всё-таки не решался. Против них выступал генерал-губернатор Ганс Франк, вполне однозначно выразился на эту тему и Геббельс в беседе со Студницким: “Знаем, что вы всегда были врагом России, но теперь вы нам нежелательны”. Немцы даже посадили Студницкого на некоторое время в тюрьму Павяк.

Позиция эта была неизменной до осени 1944 года, но в 1944-м было уже поздно: польскими политическими умами уже владели Армия Крайова, Армия Людова, Батальоны Хлопске, Народовые Силы Збройне, за плечами которых было множество вооруженных акций, а главное — варшавское восстание, ставшее подвигом польского духа. Студницкого среди повстанцев не было. Он продолжал пропагандировать идеи польско-немецкого сотрудничества, а после войны заявил о желании защищать фельдмаршала Эриха фон Манштейна во время Нюрнбергского процесса.

Так что в годину суровых испытаний разные польские политики по-разному видели будущее своей страны и по-разному действовали в тех условиях. Одни боролись с гитлеризмом, другие делали попытки договориться с ним и найти собственное место под гитлеровским солнцем. К чести Польши необходимо сказать, настоящие её патриоты пресекали подобные поползновения. Но поскольку поползновения всё-таки были, нам правомерно поставить вопрос: стань те усилия успешными, что такой поворот сулил бы белорусскому народу? Ответ лежит почти на поверхности: ему пришлось бы вести целых три войны: против гитлеровцев, против поляков и между собой. Приведём доводы в защиту такой точки зрения.

Как пишет Ежи Гжибовский в своей объёмистой книге “Белорусы в польских регулярных армейских формированиях в 1918–1945”, в польской армии в 1939 году находилось примерно 70 тысяч белорусов. Офицеров среди них почти не было. Удельный вес даже рядовых белорусов в воинских частях строго регулировался. В некоторых родах войск их и вовсе не полагалось иметь. Например, в Корпусе охраны пограничья. Кроме коренных поляков, в том

корпусе более приемлемы были немцы из сопредельных с Германией регионов. При этом Гжибовский отмечает, что 70 тысяч – цифра приблизительная, оценочная, поскольку в Речи Посполитой учёт военнослужащих по национальному признаку не вёлся. Но надо помнить, что уже велась объявленная с началом войны мобилизация, хотя полностью осуществить её польские власти не успели. Ежи Гжибовский подчёркивает также, что белорусы в целом хорошо воевали против немцев и очень многие из них вместе с поляками разделили лишения плена. В их числе был и теперь уже классик белорусской литературы Янка Брыль, написавший о том времени прекрасный роман “Птицы и гнёзда”.

Совсем не трудно представить, что, выступи Польша на стороне рейха по схеме, которую вынашивали маршал Рыдз-Смиглы или Студницкий, то сотни тысяч тех пленных, оказавшихся в немецких лагерях, могли бы быть снова поставлены в строй, снова вооружены и направлены на Восточный фронт. В таком случае западным белорусам в польских формированиях пришлось бы драться против белорусов, сражавшихся в Красной Армии, а также в советских партизанских отрядах, бригадах и соединениях. И их в польских формированиях было бы куда больше, чем к началу войны, так как под ружьё были бы поставлены не только недавние пленные. На оккупированных территориях польские марионеточные власти проводили бы мобилизационные мероприятия для пополнения своих воинских формирований, как это впоследствии делала Армия Крайова.

Более жёстко было бы разделено и партизанское движение. О том, что оно вспыхнуло бы и в одной, и другой части Беларуси, сомневаться нет оснований. Да и реальная история Великой Отечественной войны показала, что первые партизанские отряды после её начала возникли именно в западной части республики. Отряд В. З. Коржа дал бой фашистам уже 28 июня 1941 года. Как теперь известно, это был первый партизанский бой с гитлеровцами во всей второй мировой войне. Однако есть сведения, что в тот же июньский день имел схватку с оккупантами и отряд М. Н. Чернака в Жабинковском районе, сформированный из местных жителей и бойцов-окруженцев. Правда, тот отряд не был так удачлив, командир его впоследствии погиб, потому и не стало столь известным *безумство храбрых* его бойцов. Ещё в июле 1941 года ушли в лес два десятка комсомольцев из деревни Мотоль Ивановского района. Соединившись с группой окруженцев, они потом создали отряд, известный доньше как отряд имени Макаревича...

Подобных примеров десятки, если не сотни. Желаящие драться с оккупантами в Западной Беларуси были, они в любом случае о себе заявили бы. Тем более что живы были многие участники партизанских отрядов, дравшихся в двадцатые годы против польской власти. Другое дело, что в таком случае партизанская борьба была бы тяжелее, поскольку белорусам пришлось бы сражаться не только с немецкими, но и с польскими формированиями – воинскими, полицейскими. Впрочем, реальные факты свидетельствуют, что без этого и так не обошлось, поскольку в польском политическом менталитете по отношению к Кресам Восточным даже с началом второй мировой войны ничего не изменилось. На западнобелорусские земли одинаково смотрели со всех польских политических колоколен – в партиях, движениях, группах – как на собственность. Яркий тому пример – “Тезисы польской внешней политики”, утверждённые польским Советом Министров, в котором уже не было сторонников Пилсудского, в конце августа 1940 года в эмиграции – в Лондоне. Казалось бы, “пилсудчики” ушли в политическую тень, новое правительство состоит из людей, декларирующих свою демократичность и прогрессивность, но в том документе сказано: “Нынешние границы советской оккупации **не имеют оснований ни этнографических, ни якобы освободительных** (выделено мной. – Авт.)... Фундаментальным условием выравнивания отношений между Польшей и Россией должно быть возвращение к польско-русской границе перед сентябрем 1939 года”. Если исходить из упомянутых “Тезисов...”, то никаких белорусских земель, никаких белорусов, хотя их там жило несколько миллионов человек, попросту не было.

О том, как складывались белорусско-польские отношения во время второй мировой войны в самих Кресах, красноречиво говорят факты и суждения, приведённые в книге польского историка Ежи Туронка “Беларусь под немецкой оккупацией”, выпущенной в 1993 году издательством “Ксёнжка и ведза” – “Книга и знание”. Вот что он пишет о польском понимании сложившейся с началом

войны ситуации: “Основной задачей было стремление к созданию в условиях оккупации такого состояния, которое фактически содействовало бы новому присоединению западнобелорусских земель к Польше. Эта сверхзадача в глазах польских государственных деятелей освящала множество средств, рассчитанных на укрепление собственных позиций и исключение из политической игры белорусов, которые вне зависимости от их ориентации... рассматривались... как потенциальная преграда на пути к восстановлению рижской границы”. Стремление к достижению этих политических целей определило доброжелательное восприятие немецких войск польским населением и повлияло на его активное участие в создании новой администрации и полиции, подчёркивает автор. Овладение территориальным аппаратом оккупационной власти польские деятели воспринимали в качестве важной предпосылки для восстановления экономических, культурных, а в будущем и политических позиций.

Надежды на возвращение ситуации, которая была перед сентябрём 1939 года, стимулировали возвращение в Беларусь вслед за немецкой армией и предвоенных польских управленцев... Они пользовались репутацией потерпевших от советской власти, а кроме того, определённая часть их знала немецкий язык. В той ситуации “они легко получали согласие немецких комендантур на организацию администрации и полиции. Как показывают рапорты Айнзатц-группы В, процесс занятия поляками мест в администрации начался сразу же по вступлении немецких войск и в короткое время привёл к тому, что практически на всех ключевых должностях в городских и районных (уездных) немецких управах в Западной Беларуси оказались поляки. Главным образом под командованием поляков была создана и местная вспомогательная полиция, численность которой была значительно больше, чем на востоке Беларуси... Преобладание поляков на руководящих должностях одновременно сделало польский язык языком управления и предопределило польский характер этих структур”.

Ежи Туронк приводит несколько “иллюстраций” с мест из польских, белорусских и немецких источников.

Белостокский округ. “В настоящее время почти все административные посты, за исключением руководящих, занимаемых немцами, находятся в руках поляков, поскольку оккупант встал на позицию возвращения к работе тех людей, которые на этих местах находились в 1939 году... Вспомогательную службу несёт местная полиция, организованная исключительно из польских полицейских...”.

Гродно. “Административный аппарат в Гродно почти исключительно в польских руках. Хорошее взаимодействие с немецкими управлениями. Служба порядка из 72 человек – исключительно поляки”.

Брест. “... Неудовольствие из-за того, что администрация доверена полякам”.

Лидский округ. “Поляки немедленно установили контакты с немецкими военными властями и начали занимать все должности в окружной, уездной и гминной администрации, в полиции, а также в немецких управлениях... Тем самым с самого начала немецкой оккупации административная и полицейская власть в уездах и гминах оказалась полностью в польских руках”.

Вилейский округ. “В Вилейском уезде можно было видеть такие удивительные вывески, как “Участок польской государственной полиции”. В уездных аппаратах, в сельских школах, полиции и гминах – везде польский язык... Ошмянский уезд поляки воспринимали как своего рода “польскую республику”. Вся администрация, полиция, образование были заняты поляками. В Молодечно руководителем уезда был бывший ротмистр польской кавалерии Виктор Уневич, его заместителем – Витольд Бурачевский, бывший референт службы безопасности в Вилейке... начальником полиции был офицер польской “двуйки” (довоенная польская контрразведка. – Авт.) Карчевский...”.

Барановичи и Слоним. “Административный аппарат – польский”.

В то же время Ежи Туронк отмечает, что в восточной Беларуси немцы столкнулись с серьёзными трудностями при формировании полиции и административного аппарата. И поясняет, что “западнобелорусская” активность была “преимущественно результатом поведения польского населения, стремящегося к реализации собственным национальным интересам”.

Белорусско-польский конфликт становился неизбежным ещё и потому, что возвратившиеся бывшие хозяева имений требовали возврата имущества, национализированного Советской властью. Ежи Туронк приводит выдержку

из подпольной польской газеты “Нове дроги”: “...Летом 1941 г<ода> в опустелые дворы стали возвращаться “паны”... Некоторые возвращались разъярёнными, полными желания ответа и мести за то, что было. Начались жаркие сцены насилия во время возвращения движимого и недвижимого инвентаря. Были многократные обращения к немецким властям за помощью в возврате права собственности. Немецкие власти охотно вмешивались и “били морды” крестьянам, защищая “обоснованные права польского пана”.

Но эти сцены, отмечает историк, не ограничивались “битьём морд”. Разведка Союза вооружённой борьбы – предшественника Армии Крайовой – доносила: “На белорусские территории под охраной немецкой жандармерии часто возвращаются землевладельцы. Это вызывает конфликты с крестьянами... В окрестностях Лиды... жандармы застрелили более десятка крестьян”. При этом немецкие службы безопасности, комментирует Е. Туронок, отдавали себе отчёт в том, что поляки действуют в плановом порядке, добиваясь “восстановления польскости на Западной Беларуси и возвращения предсентябрьского *status quo*”. Польская сторона третировала белорусов за их “действительный или мнимый большевизм”.

Такие действия в 1941 году охватили значительные территории и вызвали много жертв, особенно среди интеллигенции. “Белорусы вообще боялись попадаться немцам на глаза, в то время как поляки встречали их с энтузиазмом, благодаря их за освобождение от большевиков и уверяя, что только поляки являются настоящими друзьями западной культуры и самих немцев, .. а вот белорусы – прирождённые большевики и ориентируются на восток. Первая кровь, которая пролилась от рук немецкого оккупанта, была белорусской”. При этом историк, ссылаясь на белорусские же коллаборационистские источники, указывает: среди белорусов утвердилось мнение, что двуличная политика местных поляков “продиктована центральными польскими властями”.

Таковыми же, разумеется, установками на Кресах руководствовалась Армия Крайова – польские подпольные воинские формирования, подчинённые правительству Речи Посполитой в Лондоне. На втором этапе войны многие её части, расположенные на территории Западной Беларуси, пошли на открытое сотрудничество с гитлеровцами, получая от них оружие и боеприпасы для борьбы против белорусских партизан. В ряде случаев они просто подменяли немецкие гарнизоны. Притом ими подавлялись не только советские партизаны, но и действия белорусских коллаборационистов. Белорусы в любой своей ипостаси попросту нигде не должны были высовываться. Всё это соответствовало директиве от 14 мая 1943 года: “Каждый поляк должен помнить, что белорусы – это враги польского народа... Поляки должны всеми способами компрометировать белорусов перед немцами, добиваться арестов белорусов для того, чтобы потери у белорусов были наибольшими”.

Красноречивые свидетельства на сей счёт содержатся и в сборнике документов и материалов “Польша-Беларусь (1921–1953)”, изданном Институтом истории Национальной академии наук Беларуси и Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции республики. Один из них – “Отношение партии гренадёров к немецким властям и войскам”, принятый на собрании этой структуры в деревне Лугомович Ивьевского района 4 мая 1943 года:

“1. Стараться любой ценой быть в самых хороших отношениях со всеми гражданскими немецкими властями для того, чтобы получить доверие с их стороны...”

3. Поскольку немцы относятся очень враждебно к коммунистам, мы должны это использовать для своих целей, называя коммунистами всех белорусских народных деятелей, которые всегда были и теперь являются серьёзными врагами поляков. Пусть их бьют немцы, а мы будем на стороне как будто проявлять сочувствие к невинным жертвам... Для проведения этого нужно собирать все факты, стараться их увеличивать и даже выдумывать (только умело), представить своих свидетелей, написать заявление и передать в жандармерию...

4. При посредничестве своих людей просить полицию и немцев жечь белорусские деревни под предлогом, что они помогают партизанам. Отдавать в руки немецкой полиции лучших белорусских политических деятелей...

5. Чтоб отношение к белорусам было ещё более вражеским – печатать на машинке специальные листовки...

6. Стараться помочь немцам поймать несколько советских партизан как доказательство нашего сотрудничества с ними...”

Лето 1943 года стало переломным во взаимоотношениях советских и польских вооружённых формирований. В первые два года войны они в большинстве регионов Западной Беларуси как-то уживались. Если возникали трения, проблема разрешалась во время встреч командиров. Случались и совместные операции. В ходе одной из них был разгромлен гарнизон в Ивенце. В редких случаях польские партизанские отряды входили в состав советских бригад и соединений. В частности, был такой отряд в Пинском партизанском соединении, которым командовал В. З. Корж. Он носил имя Костюшко, отряд возглавлял Чеслав Клим, однако это формирование не имело никакого отношения к Армии Крайовой.

Надо подчеркнуть, что сама Армия Крайова претендовала на то, чтобы считать себя именно армией. Её подразделения назывались взводами, ротами, батальонами, полками, дивизиями, которые подчинялись командованию округов. В Западной Беларуси больше всего их было на Гродненщине и Минщине. На Брестчине, где польское население не было многочисленным, структуры АК ограничивались буквально несколькими десятками человек. Однако во всех регионах, говоря о взаимоотношениях между советскими отрядами, бригадами и формированиями АК, лучше сказать, что они чаще всего не столько уживались, сколько терпели своих визави, поскольку на положение вещей и боевые задачи смотрели с разных точек зрения. Если советское партизанское руководство всячески стремилось к объединению сил и действиям по согласованному плану, то командиры АК ревниво оберегали свою самостоятельность. Вдобавок ко всему обостряло ситуацию и то, что и те, и другие считали Западную Беларусь своей.

К середине 1943 года заметно усилились трения. Польскому политическому руководству и военному командованию в Лондоне стало совершенно ясно, что фронт неуклонно приближается к Беларуси, и оно дало установку своим командирам подчёркивать, кто “в доме хозяин”. Белорусских партизан такая установка устроить никак не могла, они стали предпринимать меры по усилению давления на поляков. А в октябре 1943 года бойцы одного из подразделений базировавшегося в Столбцовском районе батальона АК — эскадрона, которым командовал хорунжий З. Нуркевич, — расстреляли десяток партизан еврейского отряда Зорина, который входил в бригаду имени Пархоменко Барановичского партизанского соединения. После этого начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко дал приказ разоружать формирования Армии Крайовой. Тлевшее пламя разногласий переросло в пожар, полилась кровь. Подливала масла в огонь и “катынская тема”, которая получила широкую огласку в польских политических и военных кругах.

В декабре 1943 года был разоружён столбцовский батальон, который нередко называют рубежевичским, поскольку он базировался вблизи деревни Рубежичи. Его командование было арестовано, а личный состав небольшими группами распределён по советским отрядам. Избежал этого только насчитывающий четыре десятка человек взвод Нуркевича, к которому присоединился поручик А. Пильх. Он прошёл специальную подготовку в Великобритании и был заброшен в немецкий тыл с помощью парашюта. Таких в Польше называют “тихо-тёмными”. Этот “десантник” и принял на себя общее командование. Вскоре он вступил в контакт с немецкими оккупационными и военными властями и в течение нескольких месяцев смог восстановить численный состав батальона. Но тот батальон воевал уже только с советскими партизанами.

Знакомство с историей тех лет невольно подталкивает к выводу, что во время второй мировой войны Польша имела две Армии Крайовых. Одна из них действовала в самой Польше и в меру сил и полученных установок сражалась против фашистов, вторая — в Беларуси — боролась против белорусов. Заслуги батальона АК, который базировался в Столбцовском районе, перед немцами были столь значительны, что с приближением Красной Армии в 1944 году это формирование пешими колоннами, при полном вооружении, в польском военном обмундировании, двинулось на запад. На виду у немцев маршировало 860 человек, с ними двигался обоз, насчитывающий 150–200 подвод. И никакие препятствия гитлеровцы чинить не стали, наоборот, предоставляли переправы через Западный Буг.

Современная польская пресса пишет, что у командира батальона поручика Пильха на сей счёт была специальная бумага от минского СД. Пётр Глухов-

ский и Мартин Ковальский в ежедневном издании “Газета выборча” в январе 2009 года опубликовали статью “Польско-русская война под немецким боком”, в которой уточнили картину: впереди колонны, состоявшей из четырёх эскадронов кавалерии, пулемётной роты и трёх пехотных рот, ехали поручик Пильх и несколько немцев в форме. “Были случаи, – цитирует газета воспоминания Пильха, – когда надо было пересекать главные магистрали, в том числе железнодорожные, и поляки “делали это, не колеблясь, нагло”.

Ещё более любопытные сведения приводит Ежи Туронок. Он указывает, что 9 декабря 1943 года Адольф Пильх – псевдоним “Гура” – подписал с немцами соглашение, по которому получал оружие и патроны, которые “доставлялись из Минска до конца оккупации”.

В Лиде на такой же договор с гитлеровцами пошёл командир наднеманской группировки АК Юзеф Свида – псевдоним “Лех”, – который “в течение января, февраля и марта 1944 года получил пять транспортов с оружием”. Активно сотрудничали с оккупантами командиры АК поручик Грациан Фруга, поручик Зыгмунт Шендзележ, а также полковник Александр Крыжановский, части которого действовали на Новогрудчине. Вот ещё одна цитата: “На переломе 1943–1944 годов создалась ситуация, в которой ряд уездов новогрудской земли был полностью в польских руках. Немцы, видя антибольшевистскую активность польского войска, не трогают польских подразделений, во многих случаях оказывают им помощь... Щуцинский уезд, который входит в состав лидского гебитскомиссариата, является кусочком РП, на котором местные немецкие власти оказывают максимум понимания и терпимости к организованному и вооружённому польскому сообществу... Немецкая власть ограничивается городками, красные – на другой стороне Нёмана”. В марте 1944 года гауляйтер Готтберг на одном из совещаний в Минске заявил, что на немецкую сторону перешли формирования АК под командованием А. Пильха, Ю. Свида, Ч. Зайончковского. Правда, при этом он всё равно назвал их бандами.

Обязательно следует сказать и о мобилизациях в ряды АК. С разрешения немецких властей – того же генерала СС Готтберга – части АК проводили их регулярно. Повестки призывникам вручали деревенские старосты. В результате численность частей АК в Новогрудском округе достигла 7,7 тысячи человек, из которых, отмечает Туронок, 40 процентов составляли православные белорусы. Польские власти методом военного призыва ставили их в свои ряды. Значительно меньшим был процент в тех местностях, где гауляйтер Вайсрутемии Готтберг не разрешил АК осуществлять мобилизации. Заметим по этому поводу, что, осуществившись намерения Рыздз-Смигло создать польское коллаборационистское правительство, такое разрешение уже не потребовалось бы.

Вот как рисовал общую картину польско-немецкого сотрудничества польский публицист Юзеф Мацкевич: “Итак, есть договор. Немцы втихоря дают нам оружие... Взамен желают, чтобы мы разогнали советскую партизанку. Если наше подразделение встречается с жандармами на дороге, то одни смотрят в одну сторону, другие – в другую... А в последнее время лидский гебитскомиссариат отдал в наши руки весь свой “Гебит” взамен на очищение уезда от большевиков... Впрочем, уже дошло до того, что наш комендант в полном обмундировании – три звёздочки на фуражке, “маузер” на ремне... – среди белого дня приезжает к немецкой комендатуре в местечке. Выходит немецкий комендант, отдаёт ему честь. Идут на совещание. Выходят, козыряют друг другу. Наш садится и отъезжает к лесу. Вот так это делается”.

В уже упомянутом сборнике документов “Польша-Беларусь (1921–1953)” опубликована “Докладная записка заместителя командира партизанской бригады им. Кирова начальнику оперчеккистской группы по Лидской зоне о взаимодействии Армии Крайовой с немецкими оккупационными властями”, датированная 19 марта 1944 года. В ней сообщается, что “белопольские банды... официально и открыто связаны с немецкими властями г. Лиды. Свободно круглые сутки ходят и разъезжают по гор. Лиде с полным вооружением, даже вместе с немцами в одной подводе”.

О “плодах” такого сотрудничества говорят цифры. Как впоследствии утверждал сам поручик Пильх, с декабря 1943-го до конца июня 1944 года – всего за полгода – бойцы его подразделения убили на Столбцовщине около шести тысяч “большевиков”. Вот только откуда было взяться тысячам тех большевиков в Столбцовском районе? В лучшем случае, большевиков с партбиле-

тами могло быть шесть десятков, а может, и всего шестнадцать. Во всём Полесском партизанском соединении, как следует из отчёта его командира И. Д. Ветрова, по состоянию на 1 сентября 1943 года насчитывалось только 688 коммунистов, которые находились в 52 отрядных партийных организациях. А ведь Полесское партизанское соединение действовало на большей части нынешней Гомельской области. По данным, которые хранятся в Национальном архиве Беларуси, за весь 1942 год подпольными организациями на территории республики в партию было принято 703 человека. В январе 1944 года в отряде имени Димитрова, где было почти триста бойцов, насчитывалось восемь членов и десять кандидатов в члены партии. О партийных организациях в отрядах имени Гастелло и “Советская Белоруссия” Брестского соединения в отчёте на имя командира этого соединения С. И. Сикорского вообще ничего не говорится.

Так что сведения о тысячах большевиков-партийцев в одном только районе – явное преувеличение. Потому тот же Ежи Туронок с уверенностью говорит, что преобладающее большинство убитых на Столбцовщине людьми Пильха – это мирные белорусские граждане. И ведь названный район не был исключением. В окрестностях Лиды в феврале-апреле от рук аковцев тоже погибло несколько тысяч человек, в том числе “только в одной белицкой гмине – 480...”. В Заславском и Дзержинском районах отряды АК уничтожили 11 белорусских деревень. В том же сборнике “Польша–Беларусь (1921–1953)” опубликован “Акт комиссии Щучинского межрайцентра Барановичской области о расследовании преступлений, совершённых бойцами Армии Крайовой над жителями Желудокского, Василишковского и Щучинского районов” от 31 марта 1944 года. Приведём его полностью, сохраняя терминологию:

“1944 г<ода>, марта 31 дня, Комиссия в составе председателя Фёдорова А. Н., членов Ожакова Д. С. и Рыжкова И. составили настоящий акт о злодеяниях, совершённых над мирными жителями белопольскими бандами:

1. 22.2.44 г<ода> белопольской бандой расстрелян крестьянин дер. Береговцы Желудокского р-на Шершень Юлиан Дмитриевич.

2. 25.2.44 г<ода> в д. Турейск белопольской бандой сожжено 30 домов и 30 сараев.

3. 20.8.43 г<ода> белопольской бандой убит крестьянин д. Решетники Щучинского р-на Протокович О. С. как бывший советский служащий.

4. 8.2.44 г<ода>, возвращаясь из Желудка, гр-не д. Досная Альшейвский П., Дрозд в пути были убиты белополяками.

5. 25.2.44 г<ода> белополяки сожгли дом гр-на Слушко Ю. В. в д. Турейск.

6. 18.2.44 г<ода> белополяками расстрелян крестьянин д. Карпович Карпович О., бывший советский военнослужащий.

7. 25.2.44 г<ода> белополяками убит крестьянин д. Крупово Дробниц А. как бывший советский служащий.

8. 25.2.44 г<ода> белополяками расстреляны граждане из д. Белогорцы: Позниак В. М., Слушко Н. Д. – якобы за то, что они ушли жить из д. Белогорцы в д. Рыжки.

9. 28.2.44 г<ода> белополяками расстреляны граждане из д. Сухари: Косица В. В., Косица Ю. В.

10. 29.2.44 г<ода> белополяками убит крестьянин д. Самлаги Асовик Михаил.

11. 29.2.44 г<ода> белополяками расстрелян крестьянин д. Голынка Мавсевич В. И.

12. 27.2.44 г<ода> белополяками расстреляны: Позниак С. С. и 3 человека семьи, Прокопович В. и три человека семьи, в то же время сожжено 10 домов и 4 сарая, убитые сгорели в домах.

13. 18.3.44 г<ода> белополяками расстрелян гражданин д. Баличи Черняк И. за то, что он при советской власти служил финагентом”.

В акте, составленном той же комиссией 30 апреля 1944 года, говорится, что 6 апреля бойцами АК расстреляны крестьяне д. Русаки Заянчковский Антон, Заянчковская Ата, Заянчковская София, Козловский Николай; в д. Турейск Гриц София, в д. Крупово крестьяне Дробыш Антон, Дробыш Анастасия; в д. Заборье Лазовик Маланья “за то, что её муж работал финагентом”, 7 апреля расстреляны крестьяне д. Быковка Бакун Анна, Бакун Владимир, Гром Юстина.

Не требует комментариев и выдержка из материалов спецгруппы НКГБ БССР “Дальние”, в которой говорится, что “польскими национальными (так в тексте. — Авт.) организациями в Августовском, Ломжинском, Кнышинском, Лапском, Высоко-Мазовецком и других районах уничтожены все советские военнопленные, семьи советских служащих, не успевшие эвакуироваться, весь советский актив и даже белорусские семьи местных жителей, живших среди поляков.

Националистическими организациями уничтожаются советские десантные разведывательные группы. Уничтожаются мелкие партизанские отряды.

Польским националистическим организациям имеется указание из Лондона вести непримиримую борьбу с советскими парашютистами (оперативно-разведывательными группами и зачинщиками партизанского движения)”.

Справедливости ради добавим, что польское правительство в Лондоне “братства” отряды АК с немцами всё-таки не одобрило, но и Пильх, и другие командиры это неодобрение просто проигнорировали. Правда, когда батальон из-под Столбцов достиг Варшавы и вошёл в контакт с местными командирами АК, те поначалу отказывались с Пильхом сотрудничать, зная, что он и его люди скомпрометированы связями с гитлеровцами. Но поскольку прибыла немалая сила, да ещё и обстрелянная, разбирательство решили отложить до завершения войны, посоветовав Пильху сменить псевдоним. Тот отказался от “Гуры” — Горы — и стал “Долиной”. А до разбирательства и вовсе дело не дошло. В сентябре 1944 года батальон, включённый в Кампиносскую группировку, был окружён немцами и разбит. Спаслись удалось всего восьми десяткам бойцов из полутора тысяч. В числе счастливых был и Пильх, который в январе 1945-го через Чехословакию ушёл в Великобританию, где и жил до своей кончины в 2000 году. Впервые посетив уже постсоциалистическую Польшу, он был очень удивлён, когда его называли “борцом с гитлеризмом”, поскольку сам себя считал “борцом с Советами” и везде подчёркивал, что только в январе-июне 1944 года он провёл около 200 боёв с советскими партизанами. Этот нюанс довольно точно характеризует цели Армии Крайовой в Беларуси в годы войны. Да и польскими политиками тем бойцам отводилась именно такая роль.

К счастью, белорусско-польский конфликт не стал всеобщим.

Стремление белорусов жить единым домом и в соответствии с собственными представлениями весьма способствовало их сплочению во время войны. Одной из основ такого сплочения и стал поход, начатый Красной Армией 17 сентября 1939 года. Так что белорусам лучше всего прямо говорить: “Спасибо, 17 Сентября, за воссоединение, за возможность стоять в одном строю в годы трудных для народа испытаний!”

При этом надо добавить, что этот поход был очень нужен не только с национальной точки зрения, поскольку, во-первых, привёл к воссоединению белорусского и украинского народа, во-вторых, почти на два года отодвинул гитлеровскую оккупацию почти половины белорусских территорий и значительной части украинских. Он был важен и для большого государства — Советского Союза, — так как на триста километров отодвинул на запад его государственную границу. Полезность такого шага недвусмысленно засвидетельствовал июнь 1941 года. Есть и ещё один нюанс, не менее важный, на который обратил внимание американский специалист по европейской истории, профессор Йельского университета Тимоти Снайдер. Тем, кто подчёркивает, что сентябрьский поход Красной Армии стал следствием заключённого в августе 1939 года советско-германского договора, профессор даёт ответ исторического порядка. В книге “Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь” он резонно отметил, что советско-германский договор, подписанный в августе 1939 года, дезавуировал Люблинскую унию, служившую полякам правовым обоснованием их претензий на земли к востоку от Буга: “1939 год перечеркнул 1569”.

С какой стороны ни подойди, тот поход был судьбоносным.